

Игорь Орлав

Экипаж без капитана

КодМы

Научная фантастика

Игорь Орлав

Экипаж без капитана

«Автор»

2026

Орлав И.

Экипаж без капитана / И. Орлав — «Автор», 2026

На подлёте к Юпитеру «Створ» теряет дальнюю связь. Главный двигатель можно запустить только один раз. У шестерых участников экспедиции нет постоянного капитана: каждой работой руководит тот, кто умеет делать её лучше. Прежде этот порядок спасал корабль. На выбор пути и подготовку манёвра у них сорок два часа с момента аварии, а короткий путь домой требует лишить одного человека необходимой ему опоры. Он отказывается. Навигатор, врач, механик и их товарищи должны проверить, чего стоят добровольные правила, когда за чужое «нет» приходится платить собственными годами.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Перелив	5
2. Дверь на кухню	8
3. До подписи	10
4. Несущая	12
5. Два возвращения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Орлав

Экипаж без капитана

1. Перелив

Ложка поползла по столу, хотя до края ей полагалось оставаться ещё долго. Ника прижала её ладонью. В жилом ободке «Створа» предметы имели вес — небольшой, привычный за двадцать семь месяцев. Теперь вес то пропадал, то возвращался вместе с низким звуком под полом.

— Держитесь за поручни. Тимур, вращение.

В наушнике щёлкнуло. Механик уже был на оси, где не требовалось ни ходить, ни стоять. У его голоса там всегда появлялся сухой призыв: подбородочный микрофон касался воротника.

— Вижу раскачку. Торможу.

— Не тормози, — сказал Илья.

Ника удерживала ложку и смотрела, как по стенке пакета с супом взбирается жидкость. Она вела плановый разворот: через час следовало выпустить малый картографический зонд. Двигатели ориентации ещё работали, разворачивая невращающийся корпус, а обод должен был оставаться уравновешенным. Для Ники всё происходящее пока было отклонением в её операции.

— Тимур, остановка разворота, потом торможение обода.

— Разворот снял. Обод...

— Стоп торможению, — повторил Илья. — Не останавливайте вращение. Мне нужны девяносто секунд.

Лев, сидевший напротив, просунул правую руку в мягкую петлю под столешницей. Левую ногу он отставил так, чтобы её опорный аппарат не ударился о ножку стула. Суп из пакета не выплеснулся: клапан удержал его. Зато на полке за спиной Льва зашуршали незакреплённые салфетки.

— Назови причину, — сказала Ника.

— У тебя на схеме четыре поливных бака по три четверти. У меня один пустой, один полный. Клапан перехода заклинило. Если тормознуть, вода ударит в верхние горловины. Там нет переборки на полный объём.

Ника открыла его показания. Балансировочная система ещё получала старые значения: датчики массы считали не воду, а суммарную нагрузку на сектор, и пытались исправить её перетоком. Получалось, что корабль сам усиливал качание.

— Могу вести разгрузку, — сказал Илья. — На моих насосах.

Ника убрала палец с общей команды торможения. Ей очень хотелось сначала посмотреть расчёт. Пол скользнул из-под пяток, и расчёт потерял привлекательность.

— Разворот закончен аварийной остановкой. Передаю задачу Илье: выровнять воду. Тимур подтверждает предел вращения.

— Принял, — отозвался Илья. — Зоя, отключи автоматическую балансировку. Не питание насосов, только автомат. Тимур, держи обороты. Ника, мне нужны две руки у ручного байпаса в третьем секторе.

— Иду.

Она освободила ложку. Лев успел поймать её прежде, чем та упала. Ника вышла из столовой боком, цепляясь за непрерывный поручень. Справа, за прозрачной перегородкой, качалась

ботва низкорослого гороха. Белые корни висели в закрытых лотках; вспыхивающие пузырьки воздуха бежали по трубке туда, где воздуха не должно было быть.

Ручной байпас находился под скамьёй для переобувания. Скамью Ника знала прекрасно, потому что постоянно задевала её коленом. Знала и рукоятку, но ни разу не трогала её за весь полёт.

— Синий кожух сняла.

— Под ним две ручки. Ближнюю не трогай. Дальнюю поверни до упора, четверть оборота.

Ручка не поддавалась. Ника зажала её обеими ладонями, упёрлась плечом в перегородку и почувствовала, как кожу под браслетом часов защемило между пластиком и запястьем.

— Не идёт.

— Фиксатор снизу. Надави большим пальцем.

Фиксатор оказался там, где Илья сказал. Ника выдохнула с такой злостью, словно это Илья спрятал его от неё.

— Открыто.

— Отлично. Теперь держи. Автовозврат будет тянуть назад.

В наушнике заговорила Зоя, считая расход. Потом Тимур сообщил новую амплитуду. Их короткие фразы перестали накладываться одна на другую. Ника держала ручку и смотрела на собственные ступни. Каждый толчок становился слабее. До неё донёсся тяжёлый шаг Льва; он поставил рядом контейнер с инструментами и подложил его под Никин локоть.

— Спасибо.

Он кивнул. Во время операции лишние слова у него исчезали полностью.

— Расход ровный, — сказал Илья. — Закрывай медленно. Не отпускай сразу.

Когда всё закончилось, Ника села на пол. Её часы оставили на коже прямоугольную красную вмятину. За перегородкой горох качался уже от движения вентиляционного воздуха, едва заметно.

— Теперь механическая проверка, — сказал Илья. — Тимур, забирай.

— Принял. Всем выйти из третьего сектора, обод останется на этих оборотах. Ника, зонд сегодня не выпускаем.

— Окно через час.

— Я знаю. Проверка креплений займёт два.

Она снова посмотрела на часы, на вмятину под ними, потом отстегнула браслет.

— Сниму окно.

На оси Зоя уже переносила запись операции в журнал. Это не было протоколом похвалы или вины: времена, команды, подтверждения, действительные показания. Ника остановилась за её плечом. На общей схеме рядом с её именем стоял законченный отрезок разворота, дальше — Илья, дальше — Тимур. Три фамилии умещались на одной строке.

— Я задержала передачу, — сказала Ника.

— Двадцать две секунды, — ответила Зоя.

Она ничего к этому не прибавила. У неё было круглое веснушчатое лицо, короткий медный ёжик волос и редкая способность не утешать человека, когда тот принёс измеримый факт.

Ника записала причину: «Считала изменение частью задачи ориентации после прекращения ориентации». Формулировка вышла нескладной, зато точной. Она не стала её улучшать.

Через два часа они снова собрались в столовой. Суп успел загустеть. Илья принёс из оранжереи повреждённый клапан: полупрозрачный обломок размером с ноготь. Из-за него два десятка тонн обитаемого оборудования начали двигаться не так, как полагалось.

Лев положил рядом спасённую ложку.

— Для масштаба, — объяснил он.

Илья сделал снимок, потом убрал клапан в пакет. Он был высоким, с длинным носом и чёрными волосами, которые в невесомости приходилось связывать на затылке. Здесь, при весе, незатянутая прядь лежала у щеки. Ника заметила, что у него дрожат пальцы.

— Ты знал, что получится? — спросила она.

— Знал, куда вода пойдёт. Что горловины выдержат ещё минуту — не знал.

— Девяносто секунд просил.

— И потратил семьдесят четыре.

Он наконец сел. Марта подтолкнула к нему суп, который никто ещё не открывал.

Зонд они выпустили следующим утром. Ника снова вела разворот, Тимур следил за ободом, Илья — за водой. Новое окно обошлось им в трое суток дополнительного ожидания данных. Картографический аппарат ушёл по назначению, раскрыл антенну и прислал фотографию «Створа»: длинная ось, тёмные крылья радиаторов, светлая окружность жилья.

Людей на снимке не было видно. Ника знала, где каждый находится, и от этого корабль казался ей особенно удачным.

2. Дверь на кухню

Самым популярным звуком на «Створе» был стук двери, которой на корабле не существовало. Илья записал его дома: сын толкнул кухонную дверь коленом, потому что нёс двумя руками миску слив. Сначала раздался скрип, потом мягкий удар, потом голос Матвея: «А куда?»

Этих трёх секунд хватало, чтобы построить целую сцену. Зоя назначала их сигналом прибытия корабля в вымышленный порт. Тимур слышал в скрипе работу плохо смазанного шарнира и всякий раз требовал повтор. Марта считала, что неизвестный человек принёс не сливы, а срочную почту. Лев однажды сказал: «На подоконник», и Илья засмеялся так резко, что пришлось ловить сорвавшуюся крышку кружки.

По свободным вечерам они делали из корабельных шумов радиоспектакли. Никто не умел играть на музыкальных инструментах, кроме Тимура, который прежде ремонтировал смычковые и теперь отказывался признать это музыкальным образованием. Ника различала ноты плохо, зато вырезала из записей паузы. Ей нравилось, как после точной обрезки неумелая реплика начинала звучать уверенно.

В тот вечер, через два дня после происшествия с водой, Лев принёс звук пересыпаемого песка. Настоящего песка на корабле не было. Он провёл щёткой по пустой таре для проб и изменил скорость записи.

— Берег, — предложила Марта.

— Ледяное поле, — сказала Зоя.

— Так стучит рассыпанная крупа, если слушать её из соседней квартиры, — решил Илья.

Ника лежала в сетчатом кресле, вытянув ноги. Из-за спинки виднелись её короткие тёмные волосы, подстриженные Мартой почти до самой кожи. Острые, широко расставленные скулы при боковом свете делали лицо сердитым даже во сне. Сейчас она улыбалась.

— На Тихом песок может вообще не шуршать, — сказала она.

— Под микрофоном будет, — ответил Лев. — Если передать колебания через опору. Мы туда для этого и тащим полтонны чувствительных железок.

Тихим называли малое тело за орбитой Сатурна. Название было бортовым, придуманным задолго до старта. В каталогах стоял номер, который каждый помнил, но никто не хотел произносить за ужином. Они должны были подойти к нему после пролёта Юпитера, закрепить исследовательский модуль, взять образцы с глубины и вернуться. Пять лет от Земли до Земли. Сейчас прошло чуть больше двух, и впервые цель перестала быть далёким обещанием: от выбора траектории у Юпитера зависел уже не красивый график, а место, где им предстояло работать.

Лев ждал этой работы дольше остальных. Его приборный блок собирали под образцы, которых никто прежде не держал в руках. Он умел часами описывать различия между двумя серыми крупинками, а потом вдруг показывал на экране срез, и Ника видела подземную историю, на которую раньше не обратила бы внимания.

У Льва была тяжёлая нижняя челюсть, короткие пепельные волосы с залысинами на висках и руки, казавшиеся слишком крупными для его тонких щупов. Когда он сидел, чужой взгляд редко задерживался на нём. Когда вставал, взгляд неизбежно опускался к ноге.

— Завтра запись без меня, — сказал он. — Марта переставила мне нагрузку на вечер.

— Я предложила. Ты согласился.

— Я согласился до того, как узнал про спектакль.

Марта посмотрела на него поверх чашки. Серебряная коса лежала у неё вдоль воротника, чтобы не попадать в застёжки. На Земле она носила волосы распущенными; на корабле все перестали помнить, как это выглядит.

— Можно раньше. Но тогда ты пропускаешь настройку микроскопа.

Лев подумал и оставил всё как было.

Его левая нога после давней производственной травмы двигалась с ограничениями. На Земле он пользовался опорой, здесь — лёгким аппаратом от бедра до ботинка. Врачи допустили его к экспедиции при конкретных условиях: вращающееся жильё, индивидуальный режим упражнений, контроль нагрузки. Лев сам участвовал в испытаниях обода. Часть поручней стояла именно там, где он попросил; ими теперь пользовались все.

Ника знала историю допуска по общему досье. Знала и то, как Лев сердится, когда ему подадут предмет, до которого он мог дотянуться сам. Ей казалось, что этого достаточно для понимания.

Илья включил дверь ещё раз. Матвей снова спросил: «А куда?»

— У тебя новый пакет пришёл? — спросила Зоя.

— Пришёл. Ещё не смотрел.

— Почему?

— Хочу сначала ответить на предыдущий.

Она удивилась. На корабле сообщения с Земли проходили не сразу, но задержка не мешала смотреть одно, пока готовишь другое.

Илья свернул монтаж. Ника увидела в углу экрана лицо мальчика — гораздо старше голоса из кухонной записи. Он сидел перед какой-то моделью, заслонявшей нижнюю половину лица.

— Он сделал подъёмный мост, — сказал Илья. — У него там не держится противовес. Я три раза записал совет и три раза стёр. В первом получилось, что я всё знаю лучше. Во втором — что мне всё равно. В третьем начал рассказывать, как мы здесь починили клапан.

— Пришли ему наш, — предложил Лев. — Пусть сравнит масштабы бедствия.

Илья покачал головой, но улыбнулся.

После ужина Ника пошла на ось проверять расчёты. Переход между ободом и центральным корпусом занимал несколько минут: маленькая кабина выравнивала движение, замки переключались, тело сначала становилось легче, потом переставало давить на пол. Ника любила этот момент. Её всегда удивляло, сколько усилий люди тратят на сохранение тяжести, если можно отпустить поручень и оказаться там, где хочется.

В навигационном отсеке стоял общий стол с утопленными экранами. Вокруг него были шесть креплений для ступней и шесть мягких упоров для коленей. Ещё одно кресло, большое, с высокими боковинами, оставалось от испытаний посадочной позы. Его не выбросили: в нём было удобно работать при длительных включениях двигателя. В обычное время кресло отодвигали к стене, иначе оно закрывало нижний шкаф.

На Земле журналист, увидев фотографию, назвал его капитанским. Илья хотел возразить, но Тимур сказал, что для точности тогда придётся подписать и каждую табуретку.

Ника пристегнула ступни у стола. На экране Юпитер был маленьким светлым кругом. Через узкий защищённый иллюминатор падал настоящий солнечный свет, гораздо слабее земного, но достаточно яркий, чтобы золотая полоска легла на пальцы.

Она вызвала запись аварийной операции с водой. Руки Ильи на маленьком изображении опять дрожали. Команды оставались ровными.

Ника вырезала из звукового файла лишние щелчки, затем остановилась и вернула их. Она готовила техническую запись, не спектакль.

3. До подписи

Перед вылетом они на шесть недель поселились в наземном двойнике «Створа». Там всё было неудобнее, чем на настоящем корабле: невесомость изображали подвесы, за стеной гудели вентиляционные установки, а через техническую дверь иногда пахло чьим-то обедом. Этот запах раздражал больше любой аварийной вводной.

На девятнадцатые сутки Ника и Тимур поругались из-за команды закрыть люк. Учебная программа сообщила об утечке воздуха. Тимур, ведя ремонт, велел отсечь секцию. Ника успела просчитать, что через неё проходит единственный доступный кабель управления внешним захватом. Захват держал вымышленный груз возле обшивки. При потере питания захват должен был разжаться.

Она предложила сначала перенести управление. Тимур повторил команду.

Ника не закрыла люк.

Программа остановилась через тридцать секунд. В условном корабле потеряли секцию, в настоящей комнате два человека стояли друг против друга, цепляясь ладонями за края проёма.

— Ты могла сказать «стоп», — сказал Тимур.

— Я объяснила, почему нельзя.

— Ты произнесла шестнадцать слов. Из них я услышал кабель и захват. Мне надо было понять, ты сообщаешь или останавливаешь.

— А тебе достаточно было назвать задачу. Ты сказал «закрыть». Я не знала, что ты уже принял потерю груза.

Руководитель испытаний за стеклом не вмешивался. Весь набор был устроен так: им давали работу, меняли условия, смотрели, кто замечает чужую ошибку и что делает дальше. Никого не объявляли подходящим или неподходящим по одной красивой цифре. Каждый провал можно было разобрать, но от разбора люк сам не закрывался.

Вечером они повторили упражнение. Зоя заранее переставила кнопку учебного отключения на край стола, чтобы до неё могли дотянуться оба. На этот раз Ника произнесла одно слово, дождалась подтверждения, затем сказала о захвате. Тимур ответил, что потерю учебного груза принимает, потому что другая секция с людьми важнее. Ника закрыла люк.

Захват раскрылся на экране. Ника почувствовала злость, хотя знала: Тимур выбрал правильно. Она привыкла считать, что легко уступает тому, кто предлагает лучший расчёт. Оказалось, ей легко уступать, когда она сама объявляет его лучшим.

Позже, когда они составляли окончательный порядок работы, она настояла на записи причины остановки. Тимур настоял на явном подтверждении передачи. Илья добавил, что новую задачу нельзя незаметно пристегнуть к старой: тот, кто вёл разворот, не получает на этом основании право распоряжаться медицинской секцией.

Самую длинную правку предложила Марта. Она касалась не секунд и не команд, а тех решений, после которых человеку нельзя вернуть прежнюю жизнь, даже если весь корабль уцелел.

— Мы всё равно будем так решать, — сказала тогда Ника. — Нельзя заранее описать каждую потерю.

— Каждую не надо, — ответила Марта. — Надо знать, кто её принимает.

В наземной столовой они разложили свои условия допуска. У Ильи было ограничение на продолжительность экспедиции и порядок действий при её вынужденном увеличении. У Зои — обязательный отдых после двух опасных операций подряд: раньше она сама соглашалась работать до ошибки. У Льва — обод и режим нагрузки. Были и менее заметные пункты, которых Ника потом не смогла бы вспомнить дословно, если бы не перечитывала их перед каждой общей проверкой.

Лев принёс свой лист без медицинского заключения. Ника попросила приложение.

— Марту оно устраивает, — сказал он. — Тебе нужно знать, что корабль обязан обеспечить.

— Если нам придётся выбирать...

— Тогда она скажет то, что нужно для выбора. Я не хочу, чтобы мою ногу обсуждали каждый раз, когда тебе не понравится расположение тренажёра.

Он говорил без обиды, и от этого возражать было труднее. Ника поставила отметку, что условия ей известны.

Они долго проверяли крайний случай: что делать, если один отказывается, а другим из-за этого грозит гибель. Зоя запустила несколько учебных задач. В одной отказ действительно не оставлял никакого способа сохранить всех. В другой удобное решение назвали единственным, потому что никто не хотел тратить двое суток на переделку. Разница обнаружилась только после проверки запасов.

В окончательной записи появились два разных действия. Общий необратимый риск могли принять пять человек из шести — после того, как выполнимость подтвердят ведущий специалист и его проверяющий. Уничтожить заранее оговорённое средство поддержки одного участника без его согласия можно было лишь тогда, когда никакого жизнеспособного пути с этим средством больше не существовало и промедление непосредственно угрожало людям.

«Неудобно», «дорого» и «мы уже начали» основанием не считались.

Илья попросил добавить, что отказ не освобождает от обычной работы и не лишает еды, связи, помощи или голоса. Тимур спросил, не собирается ли кто-нибудь всерьёз морить товарища голодом. Илья ответил, что всерьёз могут перестать разговаривать, а это на маленьком корабле иногда начинается с распределения смен.

За день до подписи они ещё раз прошли утечку. Теперь первой ведущей была Зоя, затем Марта, потому что один из учебных пострадавших не мог покинуть отсек обычным путём. Тимур оказался у насоса, Ника у люка. Всё получилось. После упражнения они вместе отмывали пол от жидкости, которой испытатели обозначили потерю теплоносителя.

Подписи ставили не торжественно. Илья опоздал, потому что разговаривал с сыном. Зоя перепутала страницы и рассмеялась. Лев проверил, не исчезло ли последнее приложение. Ника подписала ровно, стараясь не показывать, как ей хочется скорее выйти из двойника к настоящему кораблю.

Теперь, у Юпитера, она иногда вспоминала запах чужого обеда за технической дверью. Он означал, что у комнаты есть наружная сторона и что оттуда могут принести ещё один насос, ещё одного человека, новый лист бумаги.

На «Створе» ничего подобного за стеной не было.

4. Несущая

Удар пришёл в 04:16 корабельного времени. Ника проснулась оттого, что подбородок стукнулся о край подушки. Следом погас свет и включился снова, уже холодный, дежурный. Обод продолжал вращаться. На стене мигала полоса перехода к оси.

— Не выходить в переходную кабину, — сказал Тимур. — Замки проверяются. Давление в жильё устойчивое.

Ника натянула брюки, просунула ноги в ботинки и только тогда увидела, что рубашка вывернута. Оставила так. В дверь заглянула Марта, пересчитала её взглядом, словно отдельных частей было больше, чем требовалось, и пошла дальше.

Через три минуты Зоя разрешила переход. На оси висела в воздухе россыпь мелких белых кусочков. Осыпалась кромка внутренней панели. Илья собирал их липкой сеткой, одновременно пробуя переключить антенну.

На экране наружного осмотра солнечный свет выхватывал оборванную ферму. Большая радиотарелка исчезла. Там, где на отдельной подвеске находилась оптическая головка, торчал выгнутый лист. Из пробитой магистрали вытягивалось облако капель; на секунду они выглядели красивее всего, что Ника видела за время полёта.

— Отсечь вторую ветвь, — сказала Зоя. — Третья уже сухая. Тимур, подтверди первую.

— Цела до двигателя. У корпуса ещё не вижу.

— Тогда не открываю перемычку.

Тимур вёл локализацию повреждений. Ника проверяла ориентацию, Илья — связь, Марта собирала людей в защищённом центральном отсеке. Лев принёс крепёжные ленты и закрепил свободные ящики. Никто не видел того, что ударило в корабль. По двум камерам удалось восстановить лишь направление: короткий светлый штрих, вспышка на ферме, потом разлетающиеся части самого «Створа».

Позже они назовут это столкновением с быстрым обломком. Сейчас происхождение обломка ничего не меняло.

— Радиоканал отсутствует, — сказал Илья. — Резервный дальний оптический тоже. Проверяю приём через служебный тракт.

— Они были на разных подвесках, — произнесла Ника.

— Теперь обеих нет.

Она знала схему. Две системы имели отдельное питание, разные способы наведения, разные линии до аппаратуры. Но держались на одной наружной силовой ферме, рядом с основанием радиаторов. Её считали защищённой от одиночного повреждения экраном и расстоянием между приборами. Удар оказался не одиночной дыркой: ферма повернулась и сама ударила по оптическому узлу.

— Маяк? — спросила Марта.

— Работает. Передаёт короткий аварийный пакет. Пока не знаю, примут ли с такого расстояния. Ответить ему нечем.

— Продолжай.

К шести часам они перестали находить новые утечки. Из трёх основных ветвей охлаждения двигателя сохранилась одна. Реактор электроснабжения перевели на сниженный режим, оставив жильё, вычислители и насосы. Тяговая установка молчала, как и положено между включениями, но её молчание теперь имело другой смысл.

Зоя показала Нике уцелевший пусковой накопитель. Второй был пробит вместе с кабельным коробом. Заряд первого держался; восстановить заряд после включения было нельзя: линия подготовки повторного пуска оборвалась снаружи, а заменяющих узлов на борту не было. Оставался один запуск главного двигателя. Малые химические двигатели не пострадали,

однако их запас предназначался для точных поправок и сближения, а не для изменения всего маршрута.

Тимур принёс кусок обшивки размером с ладонь. На нём висела капля застывшего полимера. Он закрепил находку в прозрачном контейнере, подписал место и время, затем убрал в шкаф.

— Это потом, — сказала Ника.

— Поэтому и убираю.

Она не извинилась. Через минуту сама вернулась к шкафу и проверила, закрыт ли замок.

Илья работал у приёмника. На экране текла неровная линия, в которой Нике постоянно чудилось начало осмысленного сигнала. Он несколько раз изменил полосу, подключил внутренний контрольный генератор, снял его, попробовал использовать уцелевшую служебную антенну как слабый приёмник. Генератор проходил. Земля — нет.

— А картографический зонд? — спросила Ника.

— Его передатчик видит нас. Землю он не перекричит. Можно заставить его повторять пакет, но обратного канала это нам сейчас не даст.

— Сейчас — сколько?

Илья снял наушник. Ухо под ним покраснело.

— Я не знаю. Если скажу «два часа», ты поставишь их в расчёт. Не ставь.

Она вернулась к столу. Прежняя траектория к Тихому оставалась на экране, но больше не была выполнимой: для работы у цели и возвращения требовались следующие включения, исправное охлаждение и связь с грузовым модулем, который шёл отдельным маршрутом. «Створ» ещё летел по старому пути. Это не означало, что старый путь оставался выбором.

Ника загрузила аварийный набор маршрутов. Компьютер не спросил, страшно ли ей. Он перебрал ограничения и выдал несколько тысяч линий, затем убрал почти все.

Последний принятый с Земли пакет лежал в очереди Ильи. В нём были прогноз погоды для посадочной базы, поздравление Марте от бывшей ординаторской группы и недокачанное видео Матвея. Последний кадр показывал руку мальчика над маленьким мостом. Рука застыла с отвёрткой.

Илья закрыл окно, не удаляя пакет.

Через два с небольшим часа после удара Ника отобрала два маршрута, которые стоило проверять дальше. Рядом с более медленным появилась жёлтая строка: допустимый старт корректирующего включения не позднее чем через сорок два часа от момента аварии.

Она вывела обратный отсчёт на край стола. Время сразу стало общим предметом — таким же осязаемым, как рукоятка, которую приходилось держать обеими руками.

5. Два возвращения

Ника убрала со стола всё, что мешало видеть экран: чашку, стяжку для кабеля, тонкую перчатку неизвестно чью. На освободившемся месте появились две линии. Обе огибали Юпитер. Одна уходила внутрь Солнечной системы сразу, другая сначала вытягивалась за его орбиту, делала долгую петлю и лишь потом шла к Земле.

— До планеты восемь суток после коррекции, — сказала Ника. — Сейчас меняем точку прохода. Через восемь суток она изменит наш путь. Это один манёвр в двух частях, и вторую двигатель уже не выберет.

Илья держался за поручень боком. Под глазами у него появились глубокие складки. Лев ещё не снял рабочие ремни, и конец одного ремня медленно тянулся к вентиляционной решётке.

— Быстрый возврат — двадцать шесть месяцев до земной зоны встречи. Медленный — пятьдесят четыре. Эти числа уточнятся. Разница в годы не исчезнет.

— Почему не остановиться у Юпитера? — спросила Марта.

— Чтобы стать его спутником, надо достаточно затормозить. Нам нечем. Мы пролетаем. Остаться здесь и ждать — тоже отдельный манёвр, он требует большего запаса, чем возврат.

Ника увеличила первую линию. Цвет корабля изменился, светлая окружность жилья исчезла.

— Быстрый вариант требует сброса обода до включения. С ним не хватает изменения скорости при допустимом нагреве. Без него — хватает. Двигатель работает на уцелевшей ветви, жилой осевой отсек остаётся. Запасы, медицину и часть оборудования переносим внутрь.

Никто не спросил, где они будут спать. На оси имелись аварийные места на всех шестерых; каждый знал, как в них устроиться. Но прежде эти места означали несколько суток ремонта. Теперь Ника показала двадцать шесть месяцев.

— Вращение потом восстановить? — спросил Лев.

— В прежнем виде нет. Сбрасываем вместе с опорным узлом. Ось нельзя раскрутить так, чтобы получить полезный вес: слишком малый радиус, приборы и баки не рассчитаны на такую нагрузку. Внешний тросовой вариант потребует второго уравновешенного тела. Его у нас нет.

— Научная кассета, — сказал он.

— Слишком лёгкая. И связь тросом после отделения не предусмотрена. Тимур посмотрит, но в расчёт я не внесла.

Лев подтянул свободный ремень и закрепил. Ника перешла ко второй линии.

При сохранённом обода малое корректирующее включение позволяло попасть в другую область пролёта. Юпитер забирал часть их скорости относительно Солнца, но недостаточно для короткого пути. Корабль уходил по длинной возвратной дуге. Нужно было сохранить не только жильё: после удара один из силовых подкосов обода потерял жёсткость. При разгоне это грозило перекосом. Его требовалось усилить до запуска.

— Почему ровно сорок два часа? — спросил Тимур.

— Не ровно. Это последний старт с учётом нашего запаса на ошибки. Дальше нужна поправка растёт. Можно отдать ей весь запас без остатка, выиграть ещё немного времени и остаться без возможности исправить отклонение. Я этого не допускаю.

— А быстрый?

— У него окно шире на три часа. Меньше масса. Но это не три дополнительных часа для ремонта обода. Его тогда уже надо сбрасывать.

Зоя вызвала тепловую схему. На ней не было красивых траекторий. Только потоки и области, где допустимая температура переходила в недопустимую.

— Термоядерные импульсы не отменяют нагрев конструкции, — сказала она. — Рабочее тело уходит назад, часть тепла остаётся у нас. Раньше его излучали три ветви. Сейчас одна. В пустоте не поможет открыть форточку. На длинном варианте идём слабее и дольше, но всё равно близко к пределу. Тридцать восемь минут работы. График надо выдержать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.